Чехословакія — Германія — СССР

(ПИСЬМО ИЗЪ ПРАГИ)

Послѣднія заявленія чехословацкаго министра иностранныхъ дѣлъ живо обсуждаются мѣстной печатью.

Поскольку эти заявленія касаются кардинальныхъ вопросовъ международной политики, они далеко выходятъ за предѣлы мѣстныхъ интересовъ.

Но они, конечно, нуждаются въ комментаріяхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ офиціальныя заявленія многаго не досказываютъ и ихъ умолчанія часто важнѣе ихъ утвержденій.

Стоитъ взглянуть на карту Чехословакіи, чтобы понять, что вниманіе этого государства прежде всего должно быть приковано къ Германіи.

Кромѣ 65 милліоновъ германцевъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ — нѣмецкое «меньшинство» въ самой Чехословакіи, составляетъ примѣрно четверть всего населенія страны, и притомъ меньшинство культурно и экономически очень вліятельное.

Политически значительное большинство нѣмецкаго населенія представлено партіей «генлейновцевъ», по имени своего вождя Генлейна. Въ глубокихъ симпатіяхъ этой партіи къ хитлеровской Германіи ни лѣвая, ни правая чешская печать не сомнѣваются. Но каково формальное отношеніе этой партіи къ государству, подъ крышей котораго она живетъ?

Не просто лойяльное, а подчеркнуто, сугубо лойяльное.

Это сказывается въ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ ея лидеровъ и въ тактикѣ ея парламентской фракціи.

Изъ фактовъ первой категоріи отмѣтимъ отстраненіе Гейнлейномъ съ руководящихъ постовъ многихъ членовъ партіи, которые раньше принадлежали къ партіи нѣмецкихъ націоналъ - соціалистовъ, распущенной послѣ того, какъ въ Германіи хитлеровцы пришли къ власти.

А въ области парламентской тактики надо указать на рѣшительный фактъ, относящійся къ самому послѣднему времени: генлейновцы голосовали вмѣстѣ со всѣми чешскими партіями за принятіе закона о милліардномъ займѣ, предназначенномъ на оборону Чехословакіи. Они оказались солидарными съ чехами и словаками въ дѣлѣ защиты республики, въ то время, какъ коммунисты предпочли отъ голосованія упомянутаго закона воздержаться.

Какъ бы въ признаніе этой лойяльности министръ иностранныхъ дѣлъ назвалъ нѣмцевъ «вторымъ державнымъ народомъ» и указалъ въ своей послѣдней декларации на то, что отношенія съ германскимъ сосѣдомъ не внушаютъ въ данное время опасеній.

Но если бы эти опасенія возникли, у Чехословакіи имѣются союзники, близкіе и дальніе.

Близкіе это — Румынія и Югославія.

Отношенія съ Румыніей за послѣднее время не потерпѣли никакихъ измѣненій.

Что касается Югославіи, то отношенія съ ней, одно время нѣсколько натянувшіяся, снова приняли характеръ дружественной связи послѣ послѣдней конференціи Малой Антанты.

Министръ очень подчеркнулъ сплоченность и прочность Малой Антанты, но изъ его рѣчи не видно, чѣмъ была вызвана перемѣна въ политикѣ Югославіи.

Надо отмѣтить, что послѣдняя конференція Малой Антанты совпала съ побѣдой Италіи въ Абиссиніи и «съ возвращеніемъ Италіи въ Европу».

Если этотъ, такъ сказать, мѣстный мотивъ оказался въ данномъ случаѣ рѣшающимъ, то отодвигаются на второй планъ другіе мотивы, которыми офиціально объясняется сплоченность Малой Антанты: солидарность составляющихъ ее государствъ въ кардинальныхъ вопросахъ европейской политики.

Въ нѣкоторыхъ вопросахъ этой солидарности можетъ и не быть, но прочность Малой Антанты для даннаго времени есть безспорный фактъ.

Объясненія Югославіи, что нѣкоторое экономическое сближеніе съ Германіей было прямымъ послѣдствіемъ примѣненія санкцій противъ Италіи, лишившихъ Югославію очень важнаго рынка сбыта, произвело въ Чехословакіи успокоительное впечатлѣніе.

Успѣхи, достигнутые на послѣдней конференціи Малой Антанты въ Бѣлградѣ, необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ посѣщенія Бѣлграда польскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Политическая ориентація полковника Бека достаточно извѣстна, и исключительное вниманіе, оказанное ему въ столицѣ Югославіи, могло бы, казалось, возбудить извѣстныя опасенія въ Чехословакіи.

Но этого отнюдь не замѣчается и объяснить это можно только тѣмъ, что Чехословакія вполнѣ полагается на дружбу Югославіи и — болѣе того — можетъ надѣяться, что Югославія посодѣйствуетъ улучшенію отношеній между Польшей и Чехословакіей, которыя остаются очень напряженными.

Этихъ объясненій вы не найдете въ офиціальной декларации министра иностранныхъ дѣлъ Чехословакіи, но, какъ выше уже было сказано, значеніе офиціальныхъ декларацій не только въ утвержденіяхъ, но и въ умолчаніяхъ, смыслъ коихъ выявляется изъ сопоставленія многихъ фактовъ.

Офиціально министръ выразилъ лишь надежду, что отношенія съ Польшей въ ближайшемъ будущемъ улучшатся. Отъ союзниковъ близкихъ намъ надо перейти къ дальнему союзнику Чехословакіи — къ СССР.

Съ русской національной точки зрѣнія этотъ моментъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Офиціальный текстъ декларации министра опять таки самъ по себѣ недостаточенъ.

Конечно, онъ заявилъ, что въ этой области все обстоитъ въ высокой степени благополучно.

Соглашеніе Чехословакіи съ СССР существуетъ, но оно имѣетъ чисто оборонительный характеръ, и слухи о томъ, что въ Чехословакіи строятся аэродромы для надобностей совѣтской авіаціи дѣйствительности не соотвѣтствуютъ.

Эти заявленія министра мѣстной коммунистической печатью одобрены, но вотъ тонъ декларации эту печать не удовлетворилъ: «температура» признана недостаточно высокой.

А тутъ еще вскорѣ выяснилось, что министръ сдѣлалъ заявленіе одному французскому журналисту, гдѣ употребилъ такую фразу: «интернаціонализмъ у насъ не можетъ пустить корней». Вотъ эта фраза, занимательная въ устахъ осторожнаго въ своихъ высказываніяхъ министра, коммунистической газетѣ очень не понравилась. Можно ли изъ приведенныхъ фактовъ сдѣлать выводъ, что Чехословакія начинаетъ отходить отъ союза съ СССР?

Такой выводъ былъ бы преждевременъ и неостороженъ.

Но можно констатировать, что за послѣднее время Чехословакія не сдѣлала новаго шага по пути дальнѣйшаго сближенія съ СССР, и что нужные для защиты страны милліарды Чехословакія получитъ при содѣйствіи нѣмецкой партіи, которая считается весьма близкой къ хитлеровской Германіи и при противодѣйствіи коммунистовъ.

Прага. **С. Варшавскій.**

Спекуляція квартирами

Изъ Кіева сообщаютъ «Правдѣ» 2-го іюня:

Послѣ трехнедѣльнаго разбора, въ кіевскомъ областномъ судѣ закончился процессъ взяточниковъ и спекулянтовъ, занимавшихся торговлей квартирами.

Бывшій завѣдующій секторомъ переселенія Черновъ, завѣдующій районнымъ жилищнымъ отдѣломъ Подбжайло, секретарь городской комиссіи по уплотненію Мамаевъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми управляющими домами, превратили городской жилищный отдѣлъ въ биржу, гдѣ за опредѣленную сумму продавали ордера на квартиры и комнаты. За комнаты и квартиры брали отъ 4 до 12 тыс. рублей. Разоблачены управляющій домомъ Каганъ, завѣдующій районнымъ жилищнымъ отдѣломъ Борщевскій и другіе; они признались, въ полученіи взятокъ. Подшивайло бралъ взятки деньгами, духами и мыломъ.

Судъ приговорилъ Кагана, Гулякова и Бѣлкина къ 7 годамъ заключенія, Мамаева — къ 6 годамъ, Чернова, Подшивайло и Абрамсона — къ 5 годамъ, Мусіенко — къ 2 годамъ, Бабенко и Копоцко — къ полутора годамъ лишенія свободы. Остальные подсудимые приговорены къ меньшимъ срокамъ заключенія или къ принудительнымъ работамъ.

Планъ развитія животноводства

Въ «Извѣстіяхъ» 29 мая опубликованъ планъ развитія животноводства на 1936 г. Планъ предусматриваетъ, по всѣмъ статьямъ, болѣе значительный приростъ поголовья, нежели достигнутый въ 1935 г. Любопытно, что планомъ предусматривается наличность полутора милліона лошадей у единоличниковъ и колхозниковъ, тогда какъ обыкновенно утверждается, что лошади, какъ орудіе производства, должны быть цѣликомъ коллективизованы. Съ другой стороны, планъ предусматриваетъ дальнѣйшее развитіе скотоводства на приусадебныхъ хозяйствахъ колхозниковъ. Предположено въ 1936 г. передать колхозникамъ въ личное владѣніе 2,7 милл. телокъ и 3,3 милл. поросятъ.

Сносъ памятника жертвамъ революціи

Изъ Оренбурга сообщаютъ «Правдѣ» 1 іюня, что тамъ совершено чудовищное преступленіе. При сооруженіи асфальтированной дороги, соединяющей центръ города въ вокзаломъ, уничтожена братская могила 17 красныхъ партизанъ, зарубленныхъ дутовцами.

Набережная сползаетъ въ рѣку

Изъ Царицына (Сталинграда) сообщаютъ «Извѣстіямъ» 2 іюня.

«Безъ учета вліянія оползней строются въ городѣ набережныя. Часть только что отдѣленной набережной начала сползать въ Волгу. 20-метровый участокъ троту́ара и перилъ, осѣлъ на 40-50 сантиметровъ. Въ откосахъ появилось много разрывовъ и трещинъ, размѣры которыхъ все увеличиваются».

Польскій писатель о Бунинѣ

Варшава. (Соб. корр.).

Въ послѣднемъ номерѣ еженедѣльника «Вядомосци Литерацке», извѣстный польскій писатель и поэтъ Антоній Слонимскій, рѣзко осуждаетъ запрещеніе публичныхъ выступленій И. А. Бунина въ Варшавѣ.

«Въ послѣднее время — пишетъ Слонимскій — усилились репрессіи по отношенію къ печати и къ искусству. Прежде всего, очутилось подъ запретомъ все то, что какимъ либо образомъ связано съ Россіей. Не разрѣшено исполненіе цыганскихъ романсовъ... Говорятъ, что будутъ запрещены переводы романовъ совѣтскихъ писателей, но въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ не о тенденціи, а исключительно о языкѣ, т. к. нельзя вѣдь упрекнуть цыганскіе романсы въ томъ, что они распространяютъ историческій матеріализмъ. Возможно, что произведенія старыхъ русскихъ писателей также не будутъ допущены цензурой на книжный рынокъ.

Затрудненія, съ которыми встрѣтился русскій эмигрантскій писатель, нобелевскій лауреатъ, Ив. Бунинъ, кажется, подтверждаютъ это опасеніе. Бунинъ собирался пріѣхать въ Польшу, но польскія власти отнеслись неблагожелательно къ этому литературному визиту. Публичное выступленіе нобелевскаго лауреата въ Варшавѣ было признано нежелательнымъ. Казалось бы, что нобелевская премія является достаточной рекомендаціей для полученія визы и права выступленія.

Можно было бы подумать, что отношеніе властей къ пріѣзду Бунина вызвано не желаніемъ раздражить совѣтскихъ представителей, но вѣрнѣе предположить, что не это обстоятельство, а языкъ, на которомъ Бунинъ предполагалъ выступить, такъ враждебно настроило польскія власти. Совершенно очевидно, что, съ государственной точки зрѣнія, такія придирки вредны.

Не слѣдуетъ мечтать объ уничтоженіи цензуры и вмѣшательства государства въ литературную жизнь. Было бы безсмысленной защищать столь нереальную точку зрѣнія, но нужно бороться съ мѣропріятіями, которыя, не только съ точки зрѣнія культурныхъ интересовъ націи, но и съ пропагандной точки зрѣнія, приносятъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы. Бунинъ — весьма популярный писатель, особенно въ скандинавскихъ странахъ, и впечатлѣніе, произведенное придирками властей, будетъ довольно значительно».

Осколки

На языкѣ русскаго закона пострадавшій отъ преступленія или проступка назывался «потерпѣвшимъ».

Русскій простолюдинъ, все передѣлывающій въ области языка и технической терминологіи, не удовлетворялся словомъ «потерпѣвшій», а передѣлалъ его по своему, называя «потерпѣвшаго» — «перетерпѣвшимъ».

Нѣкоторая доля народнаго юмора въ такой передѣлкѣ слова сказалась. Въ ней выразилось природное лукавство русскаго человѣка. Но было тутъ и нѣчто другое: сочувствіе мукамъ человѣка, котораго обидѣли и которому приходилось «перетерпѣвать» и дальнѣйшія напрасныя муки, таскаться по слѣдователямъ, полиціи, въ судъ, восходя по всѣмъ его инстанціямъ; путаться въ законахъ, срокахъ, повѣренныхъ, и въ итогѣ проиграть по существу правое дѣло.

Пострадавшій для русскаго человѣка казался именно — «перетерпѣвшимъ», т. е. человѣкомъ, прошедшимъ рядъ длительныхъ мученій. Пострадавшій не только пострадалъ, онъ подвергался лишь за то, что пострадалъ отъ чьего нибудь дурного поступка — еще вытекавшимъ изъ него, чаще всего не по своей винѣ, — испытаніямъ другого порядка. Онъ былъ не только «потерпѣвшимъ», а переходилъ на положеніе «перетерпѣвшаго», совершавшаго паломничество, отбывавшаго положенную ему судьбой страду, окружавшую его цѣлымъ океаномъ мукъ, неограниченныхъ ни какими предѣлами времени и пространства.

Такимъ «перетерпѣвшимъ» всегда казался русскій эмигрантъ.

Онъ разъ провинился, правда въ крупныхъ оплошностяхъ, больше впрочемъ попустительствомъ и разговорами. Одни конечно, больше провинились, другіе меньше, и всѣ оказались въ переѣлкѣ, использованной не безъ умѣнія и ловкости лихими людьми.

И обратились изъ «потерпѣвшихъ» отъ русской революціи въ «перетерпѣвшихъ» и «перетерпѣвающихъ» ее ежечасно въ теченіе, вотъ скоро будетъ 19 лѣтъ. «Перетерпѣваемъ» всѣ мы, и лѣвые, и правые, и бывшіе чиновники, и общественники, и литераторы, и обыватели, и господа, и прежніе слуги. Мы «перетерпѣвшіе, перетерпѣвающіе». Я стою за дополненіе этого титула «перетерпѣвшій» словомъ «перетерпѣвающій», дабы выразить точнѣе положеніе людей, имѣющихъ свои перетерпѣванія не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ.

Въ сущности у людей нѣсколько постарше всѣ «перетерпѣванія» начались еще съ 1905 года.

Началось со знаковъ препинанія.

Вамъ это можетъ показаться страннымъ? А исходный моментъ именно таковъ. Первая настоящая забастовка началась въ Москвѣ въ типографіи Сытина... изъ за знаковъ препинанія. Наборщики типографіи потребовали оплаты и знаковъ препинанія наравнѣ съ буквами. Забастовали 50 типографій, потомъ бастовали пекаря. И пошло, и пошло.

«Перетерпѣвшіе» все это перетерпѣли; затѣмъ вспыхнула война, произошли двѣ революціи, перевороты въ различныхъ пунктахъ Россіи, куда насъ бросали капризы смуты. Бывали города, гдѣ власть на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мѣнялась до тридцати разъ. Выѣзжали изъ Россіи, опять въѣзжали; взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ пароходами, голодали, мерзли, зарабатывали хлѣбъ самыми невѣроятными занятіями; попутно воспитывали дѣтей, учили ихъ хорошимъ манерамъ; выступали на чужеземныхъ сценахъ, издавали книги; разрѣшали въ печати міровые вопросы; спорили объ эстетикѣ, выбирали королевъ красоты, основывали университеты, отвоевывали первые мѣста въ спортѣ и на конкурсахъ, поѣдомъ грызли другъ друга, попутно, часто изъ за знаковъ препинанія, когда то поднявшихъ на возстаніе сытинскихъ печатниковъ. Но что самое поразительное — мы терпѣливо переживали во всѣхъ чужихъ странахъ съ хозяевами ихъ бѣдствія, неизмѣнно, на основаніи нашего единственнаго въ своемъ родѣ опыта, имъ нами безошибочно и заблаговременно предсказаннаго.

Гдѣ только за восемнадцать лѣтъ намъ ни пришлось сидѣть въ темнотѣ, безъ газа и топлива, шагать по шпаламъ бастующихъ дорогъ, таскать изъ ближайшихъ общественныхъ колодцевъ въ ведрахъ про запасъ воду, склонять на всѣ лады слова «гревъ» и «штрейкъ» и — что самое парадоксальное въ нашемъ положеніи «перетерпѣвающихъ»! — самимъ бастовать по своимъ родамъ занятій подъ давленіемъ воли туземнаго коллектива?

На протяженіи этого уходящаго вдаль большака пытокъ, гдѣ только мы ни «претерпѣвали» испытаній, ниспосланныхъ судьбой нашимъ хозяевамъ? У насъ образовался громадный опытъ, мы успѣли закалиться, стали смотрѣть на все свысока. И теперь опять!..

Тоніо

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— Генералъ Вейганъ былъ принятъ королемъ Эдуардомъ VIII и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду.

— Согласно офиціальной итальянской статистикѣ, за всю кампанію въ Восточной Африкѣ итальянская армія потеряла убитыми 2.313 человѣкъ офицеровъ и солдатъ, 453 человѣка рабочихъ и 1.593 солдата туземныхъ войскъ.

— Въ деревнѣ Орнезонъ, въ деп. Одъ, торжественно отпраздновано 102лѣтіе вдовы Бюске.

— Въ департаментѣ Дордонъ, въ деревнѣ Гранъ Брассакъ нѣкто Фарга, поднявъ большую каменную плиту въ своемъ саду, обнаружилъ подъ ней римскую могилу, въ которой среди разныхъ предметовъ находилась діадема, относящаяся къ началу нашей эры.

— Въ Руанѣ вспыхнулъ большой пожаръ торговыхъ складовъ. Въ огнѣ погибло много хлопка и нитрата. Убытки достигаютъ 5 милл. франковъ.

— Въ Дакарѣ получены свѣдѣнія, что «Герль Патъ» видѣли на-дняхъ у береговъ португальской Гвинеи.

— Въ Англіи, недалеко отъ Реднинга, при спускѣ на аэропланѣ, которымъ онъ самъ управлялъ, разбился на смерть канадскій писатель Бедморъ. Въ іюнѣ 1931 года Бедморъ первый пересѣкъ Ламаншъ на планерѣ.

— Недалеко отъ Софіи при автомобильной катастрофѣ разбилась на смерть болгарская пѣвица Морфова.

— Недалеко отъ Труа изъ экспресса Парижъ — Базель выпалъ пассажиръ Ремолато и разбился на смерть.

— Власти штата Нью-Джерзей постановили выдать 300.000 фр. прокурору Виленцу въ качествѣ награды за работу по дѣлу о разслѣдованіи похищенія сына Линдберга. Годовое жалованье Виленца 105.000 фр.

АРК. ЯХОНТОВЪ.

Первый годъ войны

ІЮНЬ 1914 Г. — ІЮЛЬ 1915 Г.

ЗАПИСИ, ЗАМѢТКИ, МАТЕРІАЛЫ и ВОСПОМИНАНІЯ Б. ПОМ. УПРАВЛЯЮЩАГО ДѢЛАМИ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

IУ.

Въ послѣдующемъ изложеніи приводятся захваченныя мною при спѣшномъ отъѣздѣ изъ Петербурга отдѣльные журналы совѣта министровъ, различныя свѣдѣнія, данныя и замѣтки, касающіяся перваго года войны. Въ мѣрѣ возможности весь этотъ матеріалъ дополняется и освѣщается личными воспоминаніями. Выдѣленіе именно этой эпохи, съ середины 1914 по іюль 1915 года представляется полезнымъ потому, что большинство опубликованныхъ до сихъ поръ изслѣдованій и мемуаровъ сосредоточиваются главнымъ образомъ, на тѣхъ событіяхъ и переживаніяхъ, которыя развивались въ связи съ великимъ отступленіемъ нашихъ армій, — возникновеніемъ кризиса во внутреннемъ быту государства и — принятіемъ Государемъ Императоромъ верховнаго главнокомандованія. Повышенный интересъ къ временамъ печальной разрухи отчасти понятенъ. Повѣствованія о непосредственно - предреволюціонной эпохѣ служили для однихъ поводомъ къ самооправданіямъ, а для другихъ — обоснованіемъ для якобы патріотической необходимости противоправительственныхъ выступленій, приведшихъ Великую Имперію наканунѣ побѣды къ жалкому концу большевицкаго застѣнка...

Военное положеніе началось и съ первыхъ же недѣль развивалось въ совершенно исключительной обстановкѣ, налагавшей своеобразный, не видный широкимъ кругамъ населенія отпечатокъ на правительственную дѣятельность. Составленіе исчерпывающей картины этой дѣятельности — задача далекаго будущаго, когда станетъ доступнымъ критическое изученіе архивовъ совѣта министровъ и другихъ учрежденій. Однако, уже и теперь можно подчеркнуть нѣкоторыя особенности и важнѣйшіе вопросы, освѣщающіе тѣ условія, въ которыхъ происходило приспособленіе государственнаго организма къ чрезвычайнымъ потребностямъ войны. Такую попытку представляетъ собою дѣлаемый ниже общій очеркъ, который является какъ-бы предисловіемъ къ дальнѣйшимъ фактическимъ матеріаламъ и сопровождающимъ ихъ поясненіямъ.

Заголго до войны Европа съ возрастающимъ годъ за годомъ напряженіемъ вооружалась и усиливала свою боевую готовность. Военно-морскіе бюджеты и чрезвычайныя ассигнованія для военныхъ надобностей тяжело давили на прочія проявленія культурной и экономической жизни. Но тогда какъ однѣ державы несли бремя вооруженій ради вящшаго обезпеченія государственной безопасности и насущныхъ своихъ интересовъ, другія — вдохновлялись активными стремленіями, лелѣяли наступательныя цѣли и намѣчали широкія задачи міровой политики. Въ числѣ вторыхъ державъ первое мѣсто принадлежало, конечно, Германіи. Развивая свою военную и морскую мощь, она имѣла передъ собою опредѣленныя внѣшнія достиженія и съ желѣзною настойчивостью шла по пути къ ихъ осуществленію. Германія все больше и больше превращалась какъ-бы въ огромную военную фабрику, въ которой накоплялись запасы всяческой энергіи для использованія въ надлежащую минуту. Всѣ ресурсы страны, ея живыя силы, техническія возможности, заводы, рудники, дорожное строительство, запасы продовольствія и сырья, заграничный ввозъ, каждый станокъ и машина, каждый рабочій и мастеровой - спеціалистъ и т. д., словомъ — все, что было нужно и полезно для успѣха войны, было заранѣе учтено и всему было опредѣлено должное значеніе и мѣсто. Повременная печать, иллюстрированныя изданія, пресловутый школьный учитель, широкая правительственная пропаганда, блестящіе смотры и парады, военныя и спортивныя празднества и даже ораторскія выступленія самого кайзера были направлены къ тому, чтобы возвеличивать германскую націю, поднимать нѣмецкую самоувѣренность, питать воинственный духъ и внѣдрять побѣдныя лозунги — «Дейтшландъ юберъ аллесъ» и «Drangъ nach остенъ». Въ крѣпкихъ рукахъ власти, мечтающей о міровой гегемоніи, нѣмцы — не вникая на областныя ихъ различія — сковывались въ вооруженный народъ, спаянный неумолимою дисциплиною и общностью національныхъ устремленій.

И это дѣлалось не только въ самой Германіи, но и за предѣлами ея. Іезуитскій законъ о двойномъ подданствѣ открывалъ возможность вкрапливать служителей нѣмецкой идеи повсюду въ важнѣйшихъ центрахъ будущаго противника. Въ пограничныхъ районахъ насаждались мирные поселенцы, помѣщики, владѣльцы фабрикъ, лавочники, лѣсничіе, егеря, учителя нѣмецкаго языка и т. д. Эта замкнутая въ себѣ армія, наряду со шпіонажемъ и контръ-развѣдкою, дружно работала на благо германизма, организовывала различные ферейны, строила дороги для военныхъ надобностей, проводила осушительныя канавы траншейнаго типа, рубила нужныя просѣки, устраивала бетонныя площадки и всячески облегчала будущее наступленіе. Германскій капиталъ настойчиво внѣдрялся въ торгово-промышленную предпріимчивость сосѣднихъ странъ и захватывалъ вліяніе на ихъ производство. Такимъ образомъ, можно сказать, что нѣмецкая подготовка къ войнѣ, вдохновленная широко поставленными заданіями, развивалась не только въ матеріальной плоскости, но и въ моральной, являясь какъ-бы всеобъемлющею и всепроникающею. Если ко всему этому добавить безстѣнчиво высказанное съ первыхъ же дней войны, и, слѣдовательно, заранѣе принятое рѣшеніе не стѣсняться велѣніями «бумажекъ» и гуманности, то картина получится достаточно показательная.

А державы съ миролюбивымъ умоклоненіемъ, хотя и озирались съ тревогою на происходящее въ Германіи, по дѣйствовали въ совершенно иной психологической атмосферѣ. Чуждыя завоевательныхъ плановъ, державы эти, правда, заботились объ укрѣпленіи обороны и поднятіи военной силы до соотвѣтствующаго уровня, но смотрѣли на эту задачу не какъ на самодовлѣющую, а лишь какъ на одну изъ обязательныхъ государственныхъ функцій. Сознавая угрозу, крепнущую въ приготовленіяхъ Германіи, — и Франція, и Англія и Россія были далеки отъ воспріятія нѣмецкихъ настроеній и пріемовъ. Имъ отнюдь не свойственно было стремленіе, въ цѣляхъ увеличенія народной сопротивляемости, въ мирное время искусственно воспитывать волю къ борьбѣ, которая — въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ цѣлой странѣ — представляетъ залогъ успѣха и достиженій. Напротивъ, твердо держась за сохраненіе мира, державы эти направляли всѣ свои старанія и надежды на дружественные переговоры, международныя конференціи, дипломатическую переписку и систему благожелательныхъ уступокъ. Въ этомъ отношеніи сказывалось вліяніе общественнаго мнѣнія и, главнымъ образомъ, пріобрѣтавшихъ все большее значеніе демократическихъ и соціалистическихъ партій, упоенныхъ прекраснодушными мечтами о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда народы, «распри позабывъ, въ семью великую соединятся». Эти партіи, — въ полную противоположность нѣмецкимъ, среди которыхъ даже соціалъ-демократы не скрывали своей готовности лечь костьми за родину, — распространяли повсюду ядъ антимилитаризма, интернаціонализма, пацифизма и другихъ оторванныхъ отъ реальной жизни утопій. Въ итогѣ, державы Тройственнаго согласія, — не вѣря въ роковую близость часа, избраннаго Германіей для мірового взрыва, — если и были подготовлены къ вспыхнувшей войнѣ, то лишь въ непосредственно военной сферѣ, но ихъ государственные органы оказались во многихъ отношеніяхъ неприспособленными къ новымъ безпримѣрнымъ условіямъ и къ небывалому размаху событій. Морально онѣ были захвачены врасплохъ. Отсюда возникла потребность въ спѣшномъ, напряженномъ и не замѣтномъ для стороннаго взгляда организаціонномъ и распорядительномъ трудѣ. Выполнять его приходилось уже подъ громъ пушекъ и военной непогоды.

Франціи и Англіи удавалось сравнительно быстро справляться съ назрѣвавшими чрезвычайными потребностями, такъ какъ у нихъ имѣлись хорошо развитая фабрично-заводская промышленность и могучая желѣзнодорожная сѣть. Эти государства обладали совершеннымъ техническимъ оборудованіемъ, дѣйствовали на не большой территоріи и располагали открытыми морскими сообщеніями. Въ иномъ, неизмѣримо болѣе сложномъ, положеніи оказалась Россія на первыхъ же порахъ по возникновеніи военныхъ дѣйствій.

Для оцѣнки этого положенія надо, прежде всего, принять во вниманіе нѣкоторыя общія предпосылки, которыя — и психологически, и по существу — вліяли на правительственную работу, особенно въ началѣ: во-первыхъ, война неизбѣжно должна быть краткой, во-вторыхъ, война будетъ преимущественно наступательной и, въ-третьихъ, незыблемыми остаются вѣками установившіеся обычаи войны и велѣнія международнаго права.

Убѣжденіе въ быстромъ завершеніи войны, распространенное среди всѣхъ воюющихъ державъ, поддерживалось нашими военными кругами и характеризовало настроенія Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Общественное мнѣніе, естественно, слѣдовало за авторитетами. Казалось несомнѣннымъ, что Европа и нравственно, и экономически и матеріально не въ состояніи будетъ выдержать сколько-нибудь длительнаго боевого напряженія, и что, послѣ нѣсколькихъ крупныхъ рѣшительныхъ столкновеній на сушѣ и на морѣ, взаимоотношеніе враждующихъ силъ выяснится и приведетъ къ общей ликвидаціи военныхъ дѣйствій. По этому поводу не могу не припомнить, что въ концѣ іюля или въ августѣ 1914 года мнѣ пришлось быть въ лицейскомъ собраніи свидѣтелемъ пари о томъ, когда соберется мирная конференція — до или послѣ 19 октября (день традиціоннаго лицейскаго праздника), причемъ оптимистической точки зрѣнія держался князь П. Д. Голицинъ, состоявшій затѣмъ послѣднимъ передъ революціей предсѣдателемъ совѣта министровъ.

Гипнозъ краткости налагалъ на работу всего государственнаго аппарата и на общественныя настроенія опредѣленный отпѣчатокъ: разъ вопросъ идетъ о нѣсколькихъ мѣсяцахъ, то мы справимся съ тѣми военными запасами и заготовками, которые были накоплены для мобилизуемой арміи; если же чего не хватитъ или обнаружится потребность въ чемъ либо, то ростъ можетъ быть разрѣшенъ въ порядкѣ срочныхъ заграничныхъ заказовъ и скупки готоваго на иностранныхъ рынкахъ. Такая точка зрѣнія, проводившаяся въ большинствѣ случаевъ ставкою, примѣнялась не только къ военнымъ, но и къ другимъ техническимъ вѣдомствамъ. На этой почвѣ для совѣта министровъ возникали спѣшные трудные вопросы о валютѣ, о тоннажѣ для морскихъ перевозокъ, о способленіи сообщеній, черезъ единственный остававшійся въ нашемъ распоряженіи въ Европѣ свободный выходъ къ морю — Архангельскъ, и т. п. Не мало времени уходило на разсмотрѣніе многочисленныхъ предложеній о заграничныхъ поставкахъ и иныхъ проектахъ, требовавшихъ крайне внимательнаго обслѣдованія, ибо появилось множество различныхъ сомнительныхъ дѣльцовъ и международныхъ авантюристовъ, искавшихъ легкаго обогащенія за счетъ казны.

Въ концѣ концовъ, вмѣсто постепеннаго обезпеченія себѣ независимости въ дѣлѣ обслуживанія обороны, мы все болѣе попадали въ зависимость отъ иностранной предпріимчивости и вынуждены были не реплачивать огромныя деньги. Для расчетовъ съ заграничными поставщиками приходилось, въ виду недостатка валюты за сокращеніемъ нашего вывоза и вообще внѣшней торговли, прибѣгать къ посылкѣ въ лондонскіе банки русскаго золота натурою, для перевозки котораго Англіей спеціально присылались военныя суда въ Архангельскъ. Но, по мѣрѣ наступленія договорныхъ сроковъ, начало обнаруживаться, что не только нейтральныя, но и союзныя державы далеки отъ исправности въ изготовленіи заказаннаго и выполняли свои обязательства съ большими запозданіями. Лишь Японія, какъ это было отмѣчено въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ, была неизмѣнно точна и производила поставки на 100 проц. при минимальныхъ, едва превышающихъ себѣстоимость, цѣнахъ. Къ сожалѣнію, использованіе ея помощи въ широкихъ размѣрахъ затруднялось сложностью и медленностью подвоза по Великому Сибирскому пути.

Арк. Яхонтовъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) См. ном. 4012, 4016 и 4018 «Возрожденія».

Всѣ права сохранены за авторомъ.